

АРМЯНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ:

Легенда “Лаваш”

В давние времена был в Армении царь по имени Арам. Случилось так, что в один из боев он попал в плен к ассирийскому царю Носору. Победитель поставил условие: - Десять дней ты останешься без хлеба, голодным. На одиннадцатый день будешь состязаться со мной в стрельбе из лука - если победишь, отпущу тебя невредимым, вернешься к своему народу с достойными царю подарками.

На следующий день Арам потребовал, чтобы из армянской армии, стоящей у границ Ассирии, принесли его самый красивый панцирь.

Ассирийские гонцы заспешили в путь. Армяне тут же догадались, что их царь на что-то намекает, и, чтобы выиграть время и подумать, задержали гонцов на всю ночь. На рассвете ассирийцы помчались в обратную дорогу и подали царю Араму панцирь. Они не знали, что в броне спрятан тонкий-претонкий хлеб. Да и никто в те времена и слышать не слышал о лаваше - попробуй догадаться, что хлеб можно спрятать в панцирь. Взял Арам панцирь, а потом вдруг заявил, мол не этот самый красивый. Делать нечего, вновь послали гонцов, и те принесли новый панцирь. Но и этот не понравился армянскому царю. И гонцы каждый день до истечения условного срока покрывали ту же дорогу и каждый раз, ведать о том не ведая, приносили Араму лаваш.

На одиннадцатый день Арам и Носор вышли на стрельбище. Носор был уверен, что Арам, оставшись без хлеба, пал духом и силами, утерял меткость глаза. Но - вот чудеса! - Арам вышел победителем в состязании и с честью возвратился в свою страну. Армянский хлеб спас его. Возвратился царь и велел огласить по всей стране: впредь в Армении вместо других хлебов пусть пекут лаваш.

Легенда-О ДУДУКЕ

Как-то, пролетая над горами, Юный Ветер увидел прекрасное дерево, которого раньше нигде не встречал. Он был очарован. Перебирая лепестки его нежных цветов, слегка касаясь зазубрин листьев, он извлекал удивительные мелодии, звуки которых разносились далеко вокруг.

Когда Верховному Ветру донесли об этом, он обрушил свой гнев на горы, уничтожив почти всю растительность.

Юный Ветер, раскинувшись шатром над своим деревом, изо всех сил пытался его спасти. Более того, объявил, что готов ради этого на любые жертвы.

И тогда Владыка Ветров ответил ему: «Что ж, оставайся! Но отныне ты никогда больше не сможешь летать!»

Счастливый Ветерок хотел сложить свои крылья, но повелитель остановил его: «Нет, это слишком легко. Крылья останутся с тобой. В любой момент ты сможешь взлететь. Но как только сделаешь это, дерево погибнет».

Юный Ветер не смутился, ведь и крылья остались при нем, и он - при дереве. Все бы хорошо, но, когда наступила осень, дерево оголилось, и не стало ни цветов, ни листьев, которыми можно было забавляться. Юный Ветер испытал страшную тоску.

Вокруг носились его собраты, срывая последние листья с окрестных деревьев. Наполняя горы победным воем, они словно приглашали его в свой хоровод. И однажды, не выдержав, он присоединился к ним. В то же мгновение дерево погибло.

Осталась только веточка, в которой запуталась частица ветра. Через какое-то время мальчик, собиравший хворост, нашел ее и смастерил дудочку, которая, стоило поднести ее к губам, словно сама играла грустную мелодию расставания.

Потому что главное в любви — это неготовность навсегда отказаться от чего-то, потеряв возможность получить желаемое, а способность не делать чего-то, имея такую возможность.

Легенда-О КРЕЩЕНИИ АРМЕНИИ

Подобно другим народам, армяне, до того, как их озарил свет Христовой Веры, поклонялись ложным богам.

И когда Григорий Просветитель пришел учить армян, многие, одержимые бесами, пытались ему воспрепятствовать. Они запугивали и убивали людей, которые шли к нему за Истиной.

Но Григорий обучил многих и смог основать монастырь Парби на склоне горы Арагац.

Тогда враги Григория разъярились и задумали кощунство. Однажды во время Литургии, которую отправлял Григорий в Парби, где был тогда только маленький храм, злодеи швырнули прямо в двери бешеную собаку. Они надеялись, что собака искушает и самого святого и его паству.

«Если твой Бог силен, — со смехом прокричали святому злодеи, — Вылечи эту собаку!»

И Григорий поднял руку. Собака задрожала, и пена перестала литься с ее морды. Налитые кровью глаза прояснились. Весело залаяв, собака выбежала из церкви совсем здоровою.

А святой и его паства возблагодарили Бога. С этих пор в Парби стали приводить людей, укушенных бешеными собаками, и все они исцелялись.

Но злодеи не успокоились и донесли на Григория царю Тиридату.

«Он говорит, что твоя власть — ничто перед его Богом», — нашептывали они царю.

«Он узнает, что в моей власти заставить его отречься от этого Бога», — злобно усмехнулся царь и приказал схватить Григория и привести во дворец.

«Дошло до меня, что ты учишь моих подданных чтить не меня, а своего Бога», — сказал Тиридат, когда святого привели к нему в цепях. — «Откажись от него, или я прикажу посадить тебя в хоб-вираб, страшную яму, полную скорпионов и змей!»

«Делай со мной что хочешь, — отвечал святой. — Я не боюсь тебя, а ты устрашишься гнева моего Бога!».

«Бросить его в яму!! — закричал царь. — Пусть скорпионы и змеи съедят его! Никто еще не пережил в этой яме одних суток!»

«Ты гневаешь моего Бога, царь, — сказал святой. — Гляди, как бы он не сделал так, что тебе до конца дней твоих не будет страшен укус змеи.»

И никто не понял этих слов.

И царские слуги бросили Григория в страшную яму, а потом ушли прочь, уверенные, что он умрет раньше, чем они достигнут дворца.

И другие люди, в том числе и те, кого учил Григорий, подумали так же. Только одна бедная вдова не поверила, что Бог допустит этой лютой смерти. И на другой день она потихоньку пришла к яме, принесла с собой пищу. И она увидела, что святой жив и невредим на дне ямы, кишасей змеями и скорпионами. Тогда вдова спустила ему еду. И так стала она тайком поступать каждый день.

А царь Тиридат тем временем пировал в своем дворце. И вот, прямо на пиру, случилось страшное: тело царя с головы до ног покрылось густой шерстью. Зубы его начали расти и превратились в клыки, а нос вытянулся в безобразное свиное рыло. И вот уже не человек, а дикий кабан сидел за пиршественным столом! В страхе разбежались придворные.

Но никто не вспомнил слов святого. А между тем известно, что кабан — единственное животное из всех, что не подвластно змеиному яду. Укус самой страшной змеи не причиняет вреда кабану.

Каких только наград не предлагали тому, кто вернет царю человеческий облик! Приходили во дворец и колдуны и лекари. Но усилия их были напрасны.

Пятнадцать лет просидел Григорий в змеиной яме.

И на пятнадцатом году царевне Хосровадухт, сестре Тиридата, привиделся вещий сон. Приснилось царевне, что в яме, кишасей скорпионами и змеями, томится живой и невредимый человек. И услышала царевна грозный голос, который говорил: «Это гнев Мой обрушился на Тиридата! За то, что хотел он умертвить Григория змеями, Я сделал его самого животным, что не боится змей. Только заступничество Григория может вернуть ему образ человеческий!».

И царевна, проснувшись, поспешила к брату и все рассказала.

И придворные отправились к змеиной яме. И увидели они Григория живым и невредимым. Тогда извлекли они святого из ямы и упали перед ним на колени, моля его не попомнить зла и помочь царю Тиридату.

И Григорий пошел в царские покои, и молился за царя.

И Бог услышал его молитву и вернул Тиридату человеческий облик.

И сердце царя исполнилось радости, и просил он Григория крестить его, и его семью, и все его царство.

А на том месте, где зияла на берегу Аракса страшная яма построили церковь.

И дали ей название Хоб-Вирав.

Так закончил свой рассказ отшельник.

— Никогда не забывайте этого, дети, — вымолвил он. — Нет такого чуда, которого не сотворил бы Бог, если вы имеете веру. А теперь я выведу вас на тропинку, по которой ближе всего дойти до крепости. И постарайтесь впредь не ходить сюда зря, чтобы не мешать мне в моих молитвах.

— Благослови нас, святой человек, — попросил Тигран.

Отшельник благословил детей, и сказал:

— Ты, мальчик, растешь в крепости. Если Бог не судит иначе — тебе быть воином. Запомни, если в страну придут враги христианской веры — война с ними угодна Богу. А ты, девочка, почаще молись святой Рипсима, которую два великих царя звали замуж, а она отказала обоим потому, что была верна христианской вере. А теперь поспешите, потому, что становится поздно, и, как я вижу, наступают неподходящие времена для того, чтобы малые дети гуляли вдали от дома.

Дети не поняли последних слов отшельника, но поспешили вниз по указанной им тропинке, видя, что уже смеркается. Тропинка спускалась круто, но довольно быстро вывела их к крепости.

Когда дети подбежали к воротам, опустилась темнота. Стражник уже вышел запираť ворота, и дети побоялись, что он рассердится и прибьет их. Но

стражник только крикнул им, чтобы входили поскорей, и тут же загремел засовами. Не стали ругать детей и дома, словно никому не было и дела до того, что они вернулись затемно.

Что-то непонятное творилось в крепости.

Как обычно вился дымок над очагами во внутренних двориках: женщины пекли к ужину ячменные лепешки и жарили баранину. Но не было слышно веселых возгласов, с которыми хозяйки заходят друг к дружке за стручком перца или щепоткой соли, да уж заодно и останавливаются в дверях перемыть кости соседям. Мужчины не распивали неторопливо молодое домашнее вино. Кажется, даже малыши играли тихо, чуя неладное от взрослых.

Тигран и Манушак прожили на свете так мало, что все это было им незнакомо. Человек, поживший дольше, сразу понял бы, что в крепость вошла тревога. Неслышной поступью прошла тревога по улочкам — и там, где она проходила замирал смех и гасли улыбки.

А в доме бдешха Быка шел военный совет.

Двое разведчиков — молодых воинов с бесшумными ногами и зорким глазом, способных пробраться по крутым и неприметным козьим тропкам, держали речь перед князем и сотниками.

Хмуро было лицо князя, озабочены сотники.

— Пользуясь темнотою, мы подкрались совсем близко к дороге и слышали персидскую речь, — говорил старший из разведчиков. — Но и без этого было ясно, что идут персы. Персидские шлемы были у них, персидские щиты и персидские мечи. Ночь не позволила перечесть людей, но мы насчитали дюжину боевых слонов. Велик был и обоз, что тащился за войском. Есть у них с собою длинные лестницы и камнеметные машины.

— Поклонники Ормузда и Митры вновь несут на своих копьях войну в христианские пределы, — с печалью промолвил самый старый из сотников.

— В скольких днях пути вы встретили персов? — спросил бдешх.

— В пяти днях мы встретили их, — ответил разведчик. — И опередили на два, потому, что бежали налегке. Персы в трех днях отсюда.

— Ворота Наири будут закрыты, — молвил бдешх, и сотники ответили согласным молчанием.

Заполночь длился совет. Князь отдавал приказы. Нужно было счесть запасы в кладовых, укрепить стены, готовить оружие. Нужно было определить каждого человека на свое место во время осады и боя. Много забот несла война — но воины рады были тому, что заботы на трое суток опередили войну.

Последним покинул бдешх комнату, где шел совет. Неспеша вышел он во дворик, постоял у затухшего очага под звездным чистым небом. Глубоко вздохнул бдешх — скоро и днем, и ночью забудет крепость о покое и тишине. И тут заметил он мальчика, затаившегося за деревянной колонной.

— Что ты делаешь тут, племянник? — сердито сказал бдешх. — Разве ты не знаешь, что нечего мальчику слушать, о чем говорят мужчины?

— Пожалуйста, прости меня, дядя! — сказал мальчик. — Я больше не поступлю так, только скажи мне, что такое боевой слон?

— Сколько тебе лет, племянник? — спросил бдешх с невеселой улыбкой.

— Девять, дядюшка, — ответил Тигран.

— Девятилетний мальчик не знает, что такое боевой слон, — задумчиво проговорил бдешх. — Значит более девяти лет страна Наири не видела чужеземных набегов. Что же, пора. Хорошее кончается так же, как и плохое. Слоном называют огромного зверя с большими ушами и таким длинным носом, что нос этот служит ему как рука.

— А какая у него шкура — пестрая, как у тигра?

— Нет, гладкая вроде бычьей.

— А этот зверь больше быка?

— Много больше. Своей ногой слон может раздавить человека, а носом поднять большое бревно. Людей же, которые на нем сидят, всадник с коня не сможет достать копьем.

— И я скоро увижу этих зверей, дядя? — обрадованно спросил Тигран.

— К сожалению, увидишь, неразумный мальчик, — улыбнулся князь.

— Не смейся надо мной, дядя! — покраснел Тигран. — Я уже большой и понимаю, что эти звери несут нам зло. Просто мне так охота на них взглянуть! Дядя, но ты уже всем дал поручения на время осады? А что буду делать я?

— Ты? Твоя война еще не родилась. Будешь подтаскивать на стены корзины с камнями и стрелы вместе с другими мальчишками. Да, вот еще что! — князь нахмурился. — Завтра возьми с собой девочку и ступайте жить к старухе-гадальщице Мариам. Если крепость возьмут штурмом моя жена умрет вместе со мной, но в бедном домишке старухи вас, быть может, не найдут.

— Но дядя...

— С каких пор дети возражают взрослым? Поступай как я сказал, и смотри с завтрашнего утра не докучай мне разговорами, бдешку будет не до мальчишки. Но помни, дитя моего брата, что я всегда любил тебя как родного сына.

Князь повернулся и ушел в дом. Мальчик остался еще в темном дворике, боясь, что кто-нибудь увидит слезы у него на глазах. Он понял, что дядя простился с ним навсегда.

А наутро в крепости закипели работы. Каменщики месили раствор, груженные камнями повозки поднимались в ворота и возвращались пустыми, в кузнях стучали молоты. Дети бегали от одного места к другому, веселясь как на празднике. Но и взрослые повеселели — дело гонит тревогу.

Никем не замеченный в этой суеде вошел в крепость толстый бродячий торговец с тонким женским голосом. Не обратили на него внимания потому, что шел он со стороны противоположной той, откуда ждали персов. Откуда было знать защитникам крепости, что это был не торговец, а доверенный хитрец персидского царя, который нарочно пустился в путь много раньше войска, чтобы обогнуть крепость и подойти к ней изнутри страны.

— Плохой день ты выбрал для торга, отец воздуха, — насмешливо сказал один из воинов. — Ни она женщина не купит сейчас золотого украшения из страха, что недолго будет его носить.

Не обратив внимания на эти слова, торговец повел своего нагруженного ослика к дому бдешха. Служанке, которая вышла ему навстречу, он сказал, что хотел бы показать княгине свой товар. Служанка пошла к княгине и спросила: — Госпожа, там пришел торговец украшениями. Прикажешь гнать его прочь? — Нет, отчего же, — ответила Джангюлом. — Приведи его сюда, я хочу посмотреть, что он привез.

Служанка подумала, что нехорошо княгине любоваться драгоценностями, когда ее муж готовится к тяжелой войне, но не посмела сказать. Она провела торговца в убранные коврами покои княгини.

Торговец с низкими поклонами разложил перед красавицей свой товар: золотые браслеты с тонкой чеканкой, перстни и разноцветные бусы, золотые цепочки и костяные гребни.

Глаза Джангюлом загорелись: она склонилась над украшениями, перебирая их и рассматривая.

Старая служанка опять ничего не посмела сказать, но посмотрела так сердито, что княгине стало неприятно.

— Ну что ты стала в дверях? — сказала она. — Иди работать, я позову, когда ты мне будешь нужна.

Служанка вышла, а хитрец обрадовался. Десяток способов таил он в голове как сказать княгине несколько слов по секрету, а все получилось, само собой.

— О Цветок Красоты, слава о которой идет по всему свету, прекрасная Джангюлом! — льстиво заговорил он, глядя, как княгиня примеряет перед бронзовым зеркалом золотое ожерелье. — Такого ли ожерелья достойна твоя лебединая шея? Таких ли браслетов достойны твои лилейные руки?

— Я не понимаю тебя, торговец, — нахмурилась княгиня.

— О черноокая! — воскликнул хитрец. — Дозволь мне вымолвить несколько слов, не опасаясь твоего гнева.

— Говори, а прогневаюсь я или нет, ты узнаешь после, — ответила княгиня.

Только этого и надо было торговцу. Он заговорил еще льстивее и слаще:

— Могу ли я говорить лучше, чем зеркало, что ты держишь в руке? Молва о твоей красоте достигла ушей Царя Царей, великого Шапура. Сотня чернокудрых красавиц с подобными звездам очами украшают его гарем. Но ни одна из них не сравнится с тобой, чей лик подобен полной луне, а стан тонок как кипарис. Сердце царя Шапура вспыхнуло любовью к тебе, несравненная Джангюлюм!

— Ах, ты, дерзкий толстяк! — воскликнула княгиня. — Твои пятки ответят под палками моих слуг за то, что твой язык посмел сказать такие слова жене моего мужа!

— О, змеекосая Джангюлюм, — отвечал хитрец, нимало не испугавшись. Ум его был остер и глаза наблюдательны. Он знал уже, что женщина гневается не так сильно, как хочет показать. — Кто твой муж рядом с Царем Царей? Всего лишь князь небольшой крепости! Может ли он окружить твою красоту теми богатствами, которых она заслуживает как рубин — золотой оправы? Велик ли почет быть его женой? Да и долго ли будешь ты получать даже эти малые почести? Сегодня ты — княгиня, а завтра тебя повлекут закованной рабыней на невольничий базар! Воистину жене пограничного князя жить так же спокойно, как человеку, что спит рядом с логовищем льва!

— Ты говоришь правду, — со вздохом молвила княгиня.

— Твоя судьба в твоих руках, о, несравненная! Только пожелай — ты станешь первой женой в гареме Царя Царей! Другие жены будут угождать тебе! Царь Шапур созовет лучших поэтов и велит им воспеть твою красоту! Ноги твои будут ступать только по шитым золотом тканям! Пожелай — и ты покинешь эту крепость как жемчужина покидает невзрачную раковину и засияешь в лучах любви великого Шапура!

— Нет, одного желания мало, — печально сказала княгиня. — Мой муж не отдаст меня, даже если царь предложит ему в обмен отступить от границ Наири!

— Ответ любовью на любовь Царя Царей и твое сердце подскажет тебе, что делать, чтобы поскорей попасть в его гарем, о, сладостная Джангюлюм! А сейчас позволь мне удалиться. А эти украшения прими все как знак расположения великого Шапура, пославшего меня к тебе в далекий путь чтобы сказать тебе о его любви.

С этими словами хитрец, низко кланяясь, покинул княгинины покои. Он был доволен. Он знал, что тщеславие женщины страшнее змеиного яда.

А княгиня осталась сидеть над украшениями. Но теперь она даже не смотрела на них.

Минуло два дня. Утих шум работ. Крепость стояла, как человек, застывший с натянутой тетивой в ожидании броска зверя.

Намертво затворились могучие ворота. Блеском стрел и дротиков ощетинились бойницы.

Ждали люди. Ждали горы — окаменевшие древние великаны, повидавшие многие сотни людских войн.

Рассвет третьего дня донес слабый шум, напоминающий реку, бегущую по камням. Шло персидское войско. Шум опередил его на несколько часов, как тень забегает впереди человека.

Но вот в солнечных лучах заблестел металл. Сверкали шлемы и щиты, доспехи и наконечники копий. Казалось, что по дороге вьется змея в золотой чешуе или течет река блестящего металла. По колено в этой реке тяжело ступали слоны. На шее каждого слона сидел человек-погонщик с бронзовым длинным кайлом в руке. На спине слон нес нарядную беседку, в которой сидели вооруженные люди.

Звенел металл, ржали кони, стучали по камням колеса повозок. И вот, когда стали слышны голоса и видны черные бороды персов, река войны подступила к каменной плотине.

Так началась осада крепости.

Прошло несколько дней прежде, чем персы решились на первый штурм. Вся жизнь переменялась, и дети привыкли к этой перемене быстрее взрослых.

Внизу, там, где прежде только белели камни и шелестели травы, да тянул ветви кустарник, раскинулись теперь яркие шатры. Ржали резвые кони, всадники как бы дразня обитателей крепости состязались в ловкости. Дымились походные костры — их было столько, что по ночам сама темнота казалась расцветшей алыми цветами. А по утрам лучи солнца не могли наиграться с блестящим металлом. Иногда меткая стрела со стен доставала конного или пешего, дерзнувшего подступить слишком близко. И тогда маленький человечек валился на землю, смешно раскидывая руки.

Что и говорить, мальчишкам нравилась эта веселая жизнь! Нравилось наблюдать за медлительными могучими слонами — чего бы не отдал, чтобы прокатиться на таком! — нравилось бряцанье оружия на каждом шагу, нравилось, похваляясь друг перед другом, кидать камешки в сторону вражьего лагеря.

Весело жилось и девочке Манушак. Хоть старухе вдове и хватало дел втрое больше обычного, она отчего-то не гнала девочку прочь. Наоборот:

— Разотри-ка в ступке эти коренья, Манушак!

— Хорошо, тетушка!

— Добавь этой травы, девочка!

— Сделаю, тетушка!

— А теперь гляди — траву я кладу так, чтоб было ее вдвое больше, чем кореньев. Размешаем мы это с топленным жиром. Мазь эту надо накладывать, когда рана нагноится. А эту кору мы толчем и вымачиваем в свежей воде. Ее клади на свежую рану, чтобы остановить кровь. Запомнила?

— Запомнила, тетушка!

Хоть бы каждый год сидеть в осаде!

И только когда упал рядом с разmozженной камнеметом головой первый воин, когда донеслись снизу тяжелые гулкие удары тарана в ворота, когда совсем близко из-под стен донеслась крикливая незнакомая речь, переходя в крики под каменным дождем — только тогда детям стало страшно.

Но персы отступили быстро, словно первый штурм был не всерьез. Царь Шапур отправил посла, предлагая осажденным сдаться. Но не словами ответили осажденные, что не желают говорить о позорном деле: со стены упала голова посла.

И вновь наступили дни затишья.

Возлежа на коврах в своем лазурном шатре, шитом золотыми цветами, царь Шапур слушал склонившего перед ним колени хитреца.

— Я посажу тебя на кол, если ты ошибся. Верно ли, что в крепости нет своей воды?

— О, Великий из Великих, от чьей поступи содрогается Вселенная! — трепеща, отвечал толстяк. Я провел в крепости более суток, и не было места, где я не попросил бы напиться! Мне ни разу не дали холодной воды! Всякий раз вода была такой, как если бы хранилась какое-то время в кувшине. Осла моего я поил из корыта для скота, в которое воду также приносили и подливали. Возможно, их запасы обильны. Но из источника, что близ крепости, теперь поим своих лошадей мы. Рано или поздно к ним придет жажда.

— Я не стал бы тратить времени, если б не рассчитывал на это, — угрюмо произнес царь. — Но лучше пожертвовать временем, чем людьми. Хорошо ли ты говорил с той женщиной?

— Я поливал цветок ее тщеславия водой лести, о, Великий, — отвечал хитрец.

— Но не прогневайся на своего раба — я не отвечаю за всходы. Ты решил ждать, о, мудрейший! Время покажет все.

А мальчик Тигран тем временем стоял у княжеских кладовых, глядя, как слуги выносят из них пустые бурдюки и складывают на землю.

— Для чего так много бурдюков? — спросил он подошедшего молодого воина по имени Давид.

— Для воды, глупый! — рассмеялся тот, показав белые зубы. — В другое время я предпочел бы наполнить их веселым вином, но иной раз случается в жизни так, что вода слаще и крепче вина.

— А как же наполнят бурдюки? — недоверчиво спросил мальчик. — Вокруг наших родников — персидский лагерь.

— Много будешь знать, скоро старым станешь, — вновь рассмеялся воин. — Тебе-то хорошо, спи себе всю ночь да сны смотри! А мне водоносом работать — самое дело для вояки! Ну да ничего — завтра поутру попьем свежей водички, а не той затхлой, что пили все последние дни.

С этими словами воин взвалил себе на плечо два больших бурдюка. Разбирали бурдюки и другие воины.

— Что сказал бдешх? — спросил один другого. — Выходим по-полуночи?

— В полночь ровно. Путь неблизкий.

Видя, что на него больше никто не обращает внимания, Тигран пошел к дому вдовы, где жил с начала осады. Уже смеркалось, но мальчик совсем не хотел спать. Все мысли его были заняты тем, что воины готовились делать вылазку за водой. Уж кто-кто, а Тигран, выросший в крепости, прекрасно знал, что своей воды в ней не было. Женщины всегда ходили к родникам близ ворот, откуда носили ее в больших кувшинах на голове. Воины собрались выступить в темноте. Неужели они надеются запастись водой незамеченными? Нет, этого не может быть, вокруг родников выставлены вражеские часовые. Или одни будут набирать воду, а другие — отражать врага? Сколько же тогда погибнет народу!

Мальчик ворочался с боку на бок, пытаясь уснуть. Сон не шел к нему. Наконец он нащупал в темноте свою одежду, оделся и тихо выскользнул из дома. Ноги сами несли его к покоям князя.

При пляшущем свете факелов на площади собирались воины.

— А ты что здесь делаешь, озорник? — пожилой сотник схватил мальчика за ухо.

— Я тоже хочу за водой! Мне разрешил мой дядя бдешх! — бойко солгал Тигран.

— Ну, если бдешх разрешил, бери бурдюк. Только смотри, не разнойся, когда ноги начнут отваливаться! — сотник поспешил прочь.

Тигран обрадованно схватил бурдюк.

Несколько человек с факелом и бурдюками вошли в маленькую пристройку, прилепившуюся между складами. За ними вошло еще несколько воинов. И еще дюжина! Тигран широко открыл глаза: как же они все уместились в этом крошечном домишке?! А люди все заходили и заходили. И тогда мальчик понял.

Каменная плита посреди пола была сдвинута в сторону. Широкие ступени вели вниз.

Подземный ход с округлыми сводами, плотно выложенными каменными плитами, уже никому непонятные письма на которых выхватывало из тьмы пламя факелов, уходил в бесконечную даль. Пахло сыростью и еще чем-то непонятным и жутким. Не скитаются ли здесь страшные гишера майрер — матери ночи, ведьмы с косматыми волосами и черными змеями в руках?

Час или два шли люди — без звезд над головой не разобрать. Наконец откуда-то повеяло свежим запахом трав. Люди остановились, образуя протянувшуюся под землей цепь.

— Держи, что встал, — сердито прошептал кто-то рядом. В руках Тиграна оказался ледяной булькающий бурдюк. Человек сзади уже протягивал за ним руки.

Мальчик понял, что только два или три человека вылезли из хода наружу. Они и наполняют из родника бурдюки. Никто не увидит и не услышит работу, кипящую вдали от крепости!

Хорошо бы оказаться на месте тех, кто снаружи! Увидеть, как журчит в лучах красавицы Лусин — луны вода, вдохнуть влажные запахи цветенья! Как же долго, оказывается, ноги не бегали по живой траве!

Потом был путь обратно, показавшийся намного длиннее из-за тяжелого мешка на спине.

Светлые камни площади розовели в первых лучах рассвета.

Шли дни. Вода в крепости не убывала. Нельзя было сказать того же о пище. Все строже отмеривались запасы из княжеских кладовых. Голод еще не пришел, но поступь его была слышна.

Детям надоело смотреть со стен на бородатых персов. Даже повадки слонов не так занимали мальчишек. Грустно стало в крепости.

Старуха-гадалка все чаще собирала в своем маленьком дворике приунывших детей. Что ж, что хлопочут старухины руки над отварами и мазями для раненых — язык-то свободен! Вот и рассказывает старая Мариам обо всем, что осталось за стенами крепости.

— Тетушка, а почему солнце не светит ночью, а выходит его сестрица Лусин?

— Устает солнце Арэв светить весь день и уходит к матери. Потому и заход его зовем мы «входом к матери» — майрамут. Вот и светит красавица Лусин, пока Арэв есть у матери во дворце, отдыхает, а потом купается в озере Ван.

— Тетушка, верно, что озеро Ван большое-пребольшое?

— Большое, как те озера, в которых вода соленая как слезы.

— А человек может его переплыть?

— Не знаю, деточка, не знаю. Одно мне известно, что был в старину храбрый азат, которому это было нипочем.

— Тетушка Мариам, расскажи про этого азата!

— История долгая, детки. Ну да нам спешить некуда, слушайте!

Легенда-ОБ ОСТРОВЕ АХТАМАР

Давным-давно, в незапамятные времена, была у царя Арташеза красавица дочь по имени Тамар. Глаза Тамар сияли как звезды в ночи, а кожа белела как снег на горах. Смех ее журчал и звенел, как вода родника. Слава о ее красоте шла повсюду. И царь Мидии слал сватов к царю Арташезу, и царь Сирии, и многие цари, и князья. И стал царь Арташес опасаться, что кто-нибудь придет за

красавицей с войной или злобный вишап похитит девушку прежде, чем он решит, кому отдать дочь в жены.

И велел тогда царь построить для дочери золотой дворец на острове посреди озера Ван, что издавна зовется «морем Наири», так оно велико. И дал ей прислужницами только женщин и девушек, чтобы никто не смутил покоя красавицы.

Но не знал царь, как не знали другие отцы до него, и не будут знать другие отцы после него, что сердце Тамар уже не было свободно. И отдала она его не царю и не князю, а бедному азату, который ничего не имел на свете кроме красоты, силы и отваги. Кто помнит теперь, как его звали? И успела Тамар обменяться с юношей взглядом и словом, клятвой и поцелуем.

Но вот воды Вана легли между влюбленными.

Знала Тамар, что по приказу отца днем и ночью следит стража за тем, не отплывает ли от берега лодка к запретному острову. Знал это и ее возлюбленный. И однажды вечером, бродя в тоске по берегу Вана, увидел он далекий огонь на острове. Маленький как искорка, трепетал он во тьме, словно пытаясь что-то сказать. И вглядываясь вдаль, юноша прошептал:

- Далекий костер, мне ли шлешь ты свой свет? Не ты ли — красавицы милой привет?

И огонек, словно отвечая ему, вспыхнул ярче.

Тогда понял юноша, что возлюбленная зовет его. Если с наступлением ночи пуститься через озеро вплавь — ни один стражник не заметит пловца. Костер же на берегу послужит маяком, чтобы не сбиться в темноте.

И влюбленный бросился в воду и поплыл на далекий свет, туда, где ждала его прекрасная Тамар.

Долго плыл он в холодных темных водах, но алый цветок огня вселял мужество в его сердце.

И только стыдливая сестра солнца Лусин, взирающая из-за туч с темного неба, была свидетельницей встречи влюбленных.

Ночь провели они вместе, а наутро юноша снова пустился в обратный путь.

Так стали они встречаться каждую ночь. Вечером Тamar разводила огонь на берегу, чтобы возлюбленный видел, куда плыть. И свет пламени служил юноше оберегом от темных вод, что раскрывают ночью ворота в подземные миры, населенные враждебными человеку водяными духами.

Кто помнит теперь, долго или коротко удавалось влюбленным хранить свою тайну?

Но однажды царский слуга увидел юношу утром, возвращающимся с озера. Мокрые волосы его слиплись, и с них стекала вода, а счастливое лицо казалось утомленным. И слуга заподозрил правду.

И в тот же вечер, незадолго до сумерек, слуга затаился за камнем на берегу и стал ждать. И увидел, как зажегся дальний костер на острове, и слышал легкий плеск, с которым вошел в воду пловец.

Все высмотрел слуга и поспешил утром к царю.

В люто разгневался царь Арташез. Разгневался царь, что дочь его посмела полюбить, а еще более разгневался на то, что полюбила она не одного из могущественных царей, что просили ее руки, а бедного азата!

И приказал царь своим слугам быть у берега наготове с быстрой лодкой. И когда тьма начала опускаться, царевы люди поплыли к острову. Когда проплыли они более половины пути, на острове расцвел красный цветок костра. И слуги царя налегли на весла, торопясь.

Выйдя на берег, увидели они красавицу Тamar, облаченную в шитые золотом одежды, умащенную ароматными маслами. Из-под ее разноцветной шапочки-колпачка спадали на плечи черные как агат кудри. Девушка сидела на расстеленном на берегу ковре, и кормила огонь из своих рук веточками волшебного можжевельника. А в ее улыбающихся глазах как в темных водах Вана горели маленькие костры.

Увидя незваных гостей, девушка в испуге вскочила на ноги и воскликнула:

Вы, слуги отцовы! Убейте меня!

Молю об одном — не гасите огня!

И рады были царские слуги пожалеть красавицу, но страшились гнева Арташеса. Грубо схватили они девушку, и повлекли прочь от костра, в золотой дворец. Но прежде дали они ей увидеть, как погиб огонь, растоптанный и раскиданный грубыми сапогами.

Горько плакала Тамар, вырываясь из рук стражей, и смерть огня казалась ей смертью любимого.

Так оно и было. На середине пути был юноша, когда манивший его свет погас. И темные воды потянули его в глубину, наполняя душу холодом и страхом. Перед ним лежала тьма и он не знал, куда плыть во тьме.

Долго боролся он с черной волей водных духов. Каждый раз, когда голова обессиленного пловца показывалась из воды, взгляд его с мольбою искал во тьме красного светлячка. Но не находил, и вновь плыл наудачу, а водные духи кружили его, сбивая с пути. И наконец юноша выбился из сил.

«Ах, Тамар!» — прошептал он, последний раз показываясь из воды. Что же ты не уберегла огня нашей любви? Неужели выпала мне судьба кануть в темной воде, а не пасть на поле боя, как положено войну!? Ах, Тамар, какая это недобрая смерть! Это хотел сказать он, но уже не смог. Только одно у него хватило силы воскликнуть: «Ах, Тамар!»

«Ах, Тамар!» — подхватило эхо — голос каджи, духов ветра, и понесло над водами Вана. «Ах, Тамар!»

А красавицу Тамар царь велел навек заточить в ее дворец.

В горе и скорби до конца дней оплакивала она своего возлюбленного, не снимая черного платка с распущенных волос.

Много лет прошло с тех пор — все помнят об их горестной любви.

А остров на озере Ван зовется с тех пор Ахтамар.

Так и текли невеселые дни в осажденной крепости.

Персы вновь затеяли штурм — но отступили от стен еще раньше, чем в прошлый раз. Словно атаковали не всерьез. Это стало тревожить бдешха. Чего дожидались враги?

В один из дней бдешх приказал позвать к себе молодого воина по имени Давид.

— Мне доводилось слышать, что мальчиком ты был со своим отцом в тех странах, где держат слонов? — спросил он молодого воина. — Верно ли это, и хорошо ли знаешь ты этих огромных зверей?

— Почтенный бдешх, — отвечал Давид. — Отец мой был богатым купцом, и с малых лет до той поры, когда я довольно возрос, чтобы к его огорчению сменить ореховую доску для записи цифр на копье, я сопровождал его во всех странствиях. В каких только странах мы ни побывали! Жили мы подолгу и в странах, где держат зверей, именуемых слонами. Не будет ложью сказать, что я знаком с их повадками, потому, что мальчишкой я везде старался дружить с погонщиками. Слоны всегда нравились мне. Думаю, я мог бы сам ухаживать за слоном и даже погонять его.

— Слушай меня, мой воин, — сказал бдешх. — Враг замышляет какую-то хитрость. Я не знаю, в чем она. Но только глупец ждет удара. Я же хочу ударить первым. Скажи мне, можно ли сделать так, чтобы слон впал в неистовство?

Некоторое время молодой воин размышлял, а затем со вздохом ответил князю: — Я мог бы сделать это, бдешх. Слоны в испуге и боли страшны своей яростью. Человек, знающий слонов, смог бы перерезать им сухожилия на ногах, подкравшись во время сна.

— Завтрашней ночью ты сделаешь это, — молвил бдешх. — Возьми по своему выбору несколько человек в помощь. Вы пройдете ходом, которым мы добываем воду. Раньше не стоило делать этого, но сейчас они все равно скоро начнут понимать, что мы пополняем наши запасы воды. Если Богу будет угодно, они не найдут выхода. Он далеко от крепости, чтобы достигнуть лагеря персов в самой густой тьме, вы покинете крепость через четыре часа пополудни. Ступай!

— Приказ твой будет исполнен, бдешх, даже если мне не суждено вернуться! С этими словами молодой воин поклонился и покинул дом бдешха.

На следующий день, пробегая с мальчишками по площади, Тигран увидел, что дверь постройки, которая скрывала спуск в подземелье, открыта. Несколько легко вооруженных воинов стояли около, что-то обсуждая. Эта вылазка готовилась явно не за водой! Но и не для нападения, слишком мало человек собирались ее совершать. Мальчик вздохнул — он понимал, что на сей раз никакая ложь не поможет и его прогонят прочь. Воины зашли внутрь.

Ночью мальчик опять не мог заснуть. Так надоел ему каждый закоулок крепости, так рвалась душа наружу! Что-то делают воины там, внизу, под покровом ночи? Если хотя бы подсмотреть, может быть он догадается, увидев, как воины возвращаются?

В тесном домике вдовы следовало быть очень осторожным, чтобы выйти неслышанным. Тигран осторожно миновал спящую Манушак, уши у которой были особенно чуткими. Возле постели девочки лежала аккуратно сложенная верхняя одежда. В свете лунного луча было видно, как поблескивает воткнутая в нее иголка. Манушак никогда не забывала воткнуть иголку в одежду, чтобы девочки-каджи, падкие до нарядов не меньше человеческих девочек, не утащили ее на всю ночь. Каджи боятся иголки, потому, что укол ее делает их видимыми. Нет худшей беды для невидимок!

Оставив дворик позади, Тигран побежал быстрее. Что-то тревожное ощущалось в ночи.

Неожиданно откуда-то снизу донесся громогласный рев, страшный настолько, что кровь леденела в жилах. Казалось, ни одно живое существо не может иметь настолько могучих легких и огромной глотки, чтобы издавать этот полный ярости и муки крик. И, словно откликаясь на него, раздался второй вопль — более далекий, чем первый, но столь же ужасный. За ним — третий, четвертый. Казалось, что сама ночь вопила этими дикими голосами.

Застучали двери, в испуге заплакали дети. Слышно было, как мечутся в домах люди, перепуганные таким ужасным пробуждением. Их калитки ближнего дома появилась растрепанная женщина с двумя малышами в руках. Третий,

горько плача, держался за ее подол. Из дома напротив выглянула другая женщина, постарше. Страшные крики внизу не утихали.

— Тетушка, что случилось?! — крикнула соседке молодая мать. — Кто так жутко кричит?

— Ой, беда, беда, — запричитала соседка, хватаясь за голову. — Мало нам персов, ой, беда! Вишапы напали на нас ночью!

— Вишапы!

— Это голоса вишапов! — подхватили вокруг.

— Тише, глупые! — воскликнул со своего порога седобородый старик. — Даже если это вишапы или дэвы, напали-то они не на нас, а на персов! Неужели не слышите, что это все делается внизу?!

Но женщин нелегко было успокоить никакими словами, а молодые мужчины и так бежали уже к стенам. Вслед за ними пустился и Тигран, страх которого уже сменился любопытством.

К страшным крикам прибавились новые — это были многочисленные, полные ужаса людские вопли.

Только мечущиеся внизу в беспорядке огни факелов можно было увидеть со стен. Лагерь персов был объят непонятным смятением.

Несколько часов не прекращались страшный многоголосый рев и людские крики. Осажденная крепость не спала в ту ночь, надеясь, что утро даст разгадку.

И солнечные лучи озарили страшную картину. То там то здесь виднелись мертвые тела людей и лошадей, валялись упавшие шатры.

Весь день люди в крепости не слезали со стен, наблюдая, как суетятся персы, убирая мертвецов и восстанавливая разрушения. Люди смеялись и радовались, персчитывая вражеские потери. Причина этих потерь была уже отчасти ясна: серыми неподвижными глыбами лежали посреди лагеря слоны. Было ясно, что минувшей ночью слоны почему-то взбесились, и, придя в неистовство, передавили множество народу. Персам пришлось убить своих же слонов, чтобы избавиться от опасности.

К полудню по крепости пошли слухи о том, почему взбесились слоны. Все нахваливали храбрость и ловкость Давида, а также разум бдешха. Но сердце бдешха не веселили вражеские потери. Слишком хорошо понимал он, насколько велико войско персов. Ничего не меняло и то, что персы лишились слонов. Одну лишь цель преследовал бдешх — напугать врагов, выиграть время, пока мелики, оповещенные его гонцами, готовят войска для настоящего отпора. Крепость все равно обречена. Так размышлял бдешх, пока жители крепости веселились.

А к Давиду подошел в это время мальчик Тигран. Воин с удивлением посмотрел на ребенка: казалось, только у одного Тиграна было сегодня не веселое, а печальное, гневное лицо.

— Скажи, Давид, — спросил мальчик. — Все говорят, что ты сделал это со слонами. Правда ли это?

— Истинная правда, — ответил воин.

— Я до конца дней моих буду знать, что ты — жестокий, дурной человек! — в ярости вскричал мальчик. — Я скажу так всякому, кто спросит у меня о тебе! Если бы ты перебил во сне подлых персов, что хотят захватить нашу страну! Нет, ты изувечил бедных слонов — таких умных, таких сильных! Если бы мы победили персов, мы могли бы взять их себе! И сами ездили бы на них в красивых башенках, и приказывали бы им ложиться и вставать, и идти! Бедные звери, говорят они, обезумев от боли катались по земле!

— И давили персов, — негромко сказал воин, серьезно глядя в лицо мальчика.

— Ну и что из того! Всякий гордится красивым конем, отнятым у врага! Разве слон хуже коня? Разве он в ответе за хозяина?

— Нет. Но хозяин в ответе за слона.

— Я не понимаю, что ты говоришь.

— Постарайся понять, Тигран. Ответь мне, как зовут ту девочку, с которой ты так часто играешь вместе?

— Ее зовут Манушак, — удивленно ответил мальчик.

— Скажи, Тигран, что ты сделал бы, если бы слон, умный могучий слон, своим гибким носом-хоботом схватил бы эту девочку, поднял бы высоко кверху, ломая ей ребра — ведь в хоботе слона силы не меньше, чем у огромного удава — а потом бросил бы ее на землю и раздавил ногой, и от веселой резвой девочки осталась бы только кровавая лепешка? Что бы ты тогда сделал, племянник бдешха?

— Я... не знаю... Я убил бы слона!

— А кто был бы виноват в том, что сделал слон?

— Персы!

— Я был таким же мальчиком, как ты, когда первый раз увидел слонов, — с печалью заговорил Давид, усевшись на нагретом солнцем камне. — Они полюбились мне не меньше, чем тебе. В той стране, где я их увидел, слоны не воевали, а работали вместе с людьми. Я видел, как слон поднимает хоботом огромное бревно и переносит с места на место. И дом, который помогали строить слоны, рос на глазах. Я подумал тогда — как же должен гордиться человек, научивший столь превосходящего его силой зверя работать на себя! А сегодня я думал другое. Какой позор падает на человека, что он научил могучего слона убивать и топтать, уничтожать все на своем пути! Я сказал тебе, что не слон в ответе за человека, но человек за слона.

Давид замолчал.

— Святой отшельник в горах говорил, что человек напрасно мнит себя лучшим из Божьих созданий, — негромко сказал мальчик.

— Святому человеку видней. Я не знаю, — невесело ответил воин.

С того дня, как в крепости побывал толстый торговец украшениями, беспокойство томило душу княгини. Многие вещи, которые прежде казались ей незаметны, теперь обращали на себя ее внимание. Умывается ли она поутру — взглянет на глиняный кувшин, из которого поливает ей служанка, и словно тихий голос шепнет Джангюлюм: «Ты ли недостойна умываться на серебре?». Подадут ли ей яства на серебряных блюдах, голос шепчет: «Ты ли недостойна есть на золоте?». Ходит ли княгиня в беспокойстве по комнатам, голос тут как

тут: «Маловаты твои хоромы!». Склонится ли перед ней почтительная служанка, голос вновь шепчет в уши: «Тремя ли служанками тебе командовать?».

Так день за днем точил сердце княгини червь предательства.

Сначала она только мечтала о том, как хорошо было бы стать женой царя Шапура. Мысли эти сначала были ей приятны, но вскоре княгиня перестала находить в них радость. Сомнения терзали ее. Захочет ли Шапур взять ее в жены, если она не сумеет доказать ему своей благосклонности? Не поздно ли окажется, когда крепость будет взята? Но что может сделать она, всего лишь слабая женщина? Но слабые не случайно превосходят умом сильных...

И так, незаметно для себя, Джангюлом день ото дня искала ответа на один и тот же вопрос: как оказать помощь царю Шапуру?

А мальчик Тигран сдружился в это время с воином Давидом. Давид был добр, и не гнал Тиграна прочь, как чаще всего поступали другие воины, а отвечал на все его вопросы. Вопросов же у мальчика всегда находилось множество: и об оружии, и о войне, и о дальних странах.

— Скажи, Давид, а долго ли продлится осада? — однажды спросил он.

— Скорее всего — до той поры, пока в крепости жив хоть один воин, — ответил Давид.

— Мой дядя простился со мной в начале осады, — сказал мальчик. — Неужели мы непременно погибнем?

— Нет, быть может крепость останется жива, — ответил Давид. — Если только нам удастся продержаться достаточно долго. Если мелики успеют собрать большое войско и оно выступит навстречу персам. Тогда и нам быть в живых. Воин не захотел сказать мальчику, что не очень верит в такую возможность.

— И тогда мы не погибнем?

— Ну, тебе все равно еще рано погибать, — улыбнулся Давид. — Это не твоя война.

— Так говорил мне дядя, — обиженно возразил мальчик. — Но я не думаю, что так же считают персы. Они знают, что из мальчиков вырастают мужчины и мстят.

— Если крепость падет, тебя здесь не будет. Помнишь ход, которым мы пользуемся, чтобы брать воду? Если штурм нельзя будет остановить, будешь приказет увести женщин с детьми этим ходом. Чтобы мальчики смогли вырасти мужчинами и мстить.

— Давид, но почему нельзя всем уйти этим ходом, если персы ворвутся в крепость?

— Сложный вопрос. — Давид в задумчивости помолчал. — Слышал ли ты когда-нибудь про ачуч-пачуч?

— Нет. Кто это такие?

— Сейчас расскажу. Если мы, взрослые мужчины, падём вместе со стенами, которые нам доверены, в том не будет позора. Мы исполним до конца свой долг. Смерть же в бою славна. В старину верили, что аралезы, духи-собаки, спускаются с неба, чтобы зализывать раны павших воинов. И раны заживают в ином мире, в раю. Но бросить падшую крепость нельзя, надо только умереть вместе с ней. Ничего не изменится, если мы спасемся, как женщины и дети. Но знаешь, что случится тогда? Дети вырастут немного меньше ростом, чем мы. На самую незаметную капельку ты будешь ниже меня. Но если и ты однажды не поступишь как положено мужчине, то и твои дети выйдут ростом чуть меньше, чем ты. И так каждый жалкий поступок отцов будет отнимать немного роста у детей. И в конце концов однажды вместо людей появятся ачуч-пачуч — карлики, слабосильные и жалкие. И они будут последними на земле. Так придет конец человеческому роду. Каждый трусливый мужчина, каждая недобрая женщина, приближают превращение людей в безобразных ачуч-пачуч.

— А доблестные дела прибавляют роста детям?

— Конечно, прибавляют.

Однажды княгиня застала в доме Манушак — девочка забежала за какой-то из своих вещичек.

— Это ты, Малушак? Зайди ко мне! — ласково сказала Джангюлюм. — Я дам тебе сладкого изюма.

Девочка вошла, удивляясь про себя. Не часто княгиня была с нею так добра. Откуда было знать Малушак, что уже несколько дней дожидается жена бдешха этой встречи?

Княгиня усадила девочку на ковер и угостила изюмом.

— Да ты выросла за эти дни! — сказала она. — Скоро станешь большой и красивой. Расскажи, не скучно ли тебе у вдовы в ее бедном доме?

— О, нет, госпожа! — воскликнула девочка. — Совсем не скучно. Я уже научилась делать мази для старых ран и мази для свежих ран, и питье, что гонит лихорадку, и сонное зелье, которое так нужно при тяжелой болезни!

— Удивительные вещи ты говоришь, — воскликнула княгиня. — Я могу еще поверить, что ты сварешь питье от лихорадки, но чтобы такая маленькая девочка смогла приготовить сонное зелье! Нет, я тебе не верю.

— Мне не пристало спорить с госпожой, — ответила Манушак. — Но это не пустая похвальба.

— Ну-ка я проверю тебя, — сказала княгиня. — Расскажи мне с самого начала, ничего не пропуская, тогда я буду знать, что ты не лгунья. Мне легко тебя проверить, я сама умею варить это зелье.

— Изволь, госпожа, — ответила девочка. И начала рассказывать княгине, как варится сонное зелье. А княгиня кивала головой с таким видом, словно сама это хорошо знала. А сама запоминала каждое слово. Умна была красивая жена бдешха — она давно заметила, что старуха-гадалка провожает ее неприветливым взглядом. Ничего не стала бы старая Мариам открывать княгине. Проще показалось ей вытянуть нужный секрет у доверчивой девочки. И расчет ее оказался верен.

Медленной чередой тянулись дни в крепости. Где-то в глубине страны кипела жизнь: собирались войска, ковалось оружие, совещались царь и мелики. А

жизнь в крепости словно застыла на месте. Казалось, что уже сто лет стоит враг под самыми стенами, то идет на приступ, то отступает. Пение стрел стало привычной птичьего, стоны раненых — обычны, как детский плач.

Одно изменилось — с каждым днем уменьшалась доля еды. Лежали еще запасы в кладовых бдеша, но неоткуда им было пополняться. И хотя настоящий голод еще не подступил, тень его легла на крепость.

Как-то раз воин Давид, проходя вечером мимо одного маленького дворика, увидел молодую женщину, помешивавшую какое-то варево в горшке над очагом.

— Мама, мама, дай поесть бобов, — тянули детские голоса. Детей было не меньше четырех-пяти.

— Еще не сварились, — отвечала женщина.

«И как это она умудрилась при стольких ртах сохранить что-то на ужин?» — подумал Давид и прошел мимо.

Возвращаясь обратно, Давид вновь поравнялся с тем же домиком. Было уже темно, но женщина продолжала помешивать ложкой в горшке, склоняясь над очагом.

— Мама, мама, дай поесть бобов, вон они уже кипят и стучат в горшке! — снова завели тоненькие голоса. Но на сей раз голосов было только два, и те звучали сонно.

— Стучат, значит еще жесткие, — отвечала женщина. — Спите, я разбужу вас, как сварятся.

«Что же это за бобы, которые варятся так долго?» — подумал Давид. — «И что это за странная мать, которая не торопится накормить своих голодных малышей?»

И он остался слушать, стоя за изгородью. А женщина мешала и мешала в горшке — до тех пор, пока детские голоса не умолкли. Только тогда она распрямилась и сняла горшок с огня. Некоторое время женщина прислушивалась крепко ли спят дети, а потом сказала:

— Злой голод, лети прочь от детской постели!

Пускай вам приснится, что ужин вы съели!

С этими словами она распахнула калитку и в сердцах выплеснула содержимое своего горшка наружу. Мокрые черные камешки зазвенели по белой мостовой.

Давид понял, что-они-то и кипели в горшке.

И он ушел прочь, низко склонив голову.

— Какие мысли омрачают твою душу? — спросил на другой день бдешх, увидя Давида. — Едва ли ты страшишься штурма.

— О, князь! — воскликнул воин. — Как прекрасна была бы жизнь, если бы среди многих стран, что раскинулись по свету, существовала бы где-нибудь Страна Войны!

— Страна Войны? — рассмеялся бдешх. — Что за народ по-твоему жил бы в этой стране?

— В ней никто не жил бы, — ответил Давид. — Пусть бы в ней были быстрые реки и крутые горы, густые леса и просторные невозделанные поля. Там никто не выращивал бы плодов земных и не пас скота. Ни одного человеческого жилища, где звучат женский голос и детский плач там не было бы. Мужчины шли бы туда, чтобы с оружием в руках решать, какому народу быть господином, какому — слугой, кому владеть обильными землями, кому — уходить. Веселой для храброго сердца была бы такая война!

— Тебе бы быть поэтом, а ты сделался воином! — улыбнулся бдешх. — Но что навело тебя на такие мысли?

И Давид рассказал князю о женщине, которая варила камни.

— Скоро уже придет пора навек проститься со своими семьями, — Мысли о голодных детях мешают воину сражаться. Но все же этот день еще не настал. Но прежде, чем он настанет, я прикажу поделить все запасы поровну и одну половину сохранить. А из того, что останется, я велю устроить пир. Какая война ни есть, а на ней должно иногда веселиться сердце.

И бдешх приказал готовиться к пиру.

Повеселели воины, зазвучали шутки и смех на улочках крепости. Обрадованно захлопотали женщины. А уж хлопот было много. Удивило всех, что с другими

женщинами взялась за дело и жена бдешха. Сама вызвалась она проследить, какое вино будет поставлено на столы.

А чтоб дети не мешались под ногами, пока готовится угощение, старуха-гадалка собрала их в своем дворике. И вновь пошли рассказы о давших чудесах, сказки и загадки. Обо всем знает старуха — о братьях Ерванде и Ервазе, детях быка, о великом лучнике Хайке, не покорившемся Вавилонскому царю Бэлу, о ссоре воды и огня, что доводятся друг другу сестрой и братом.

— Тетушка Мариам, а получается, что сестрица-вода сильнее своего братца огня? Ведь она гасит его, а он ничего не может с ней поделать!

— Огонь огню рознь, детки! Перед негасимым огнем вода бессильна.

— Тетушка, а что такое негасимый огонь?

— Огонь, что горит не сгорая. Неведом негасимому огню голод — не нужно кормить его древесиной. Может пылать он и на камне и на воде. Большое волшебство таится в нем.

— А где его добывают?

— Того никто не знает, детки. Есть о том длинная история.

— Тетушка, расскажи!

— Ну уж ладно, слушайте.

Легенда-О НЕГАСИМОМ ОГНЕ

В стародавние незапамятные времена жил в своем замке седой царь, чьим царством были горы. Высоко стоял его замок, выше виноградников и полей. Сверкающий иней лежал на зубцах его стен.

Не одну сотню лет прожил на свете могучий царь, но казалось, что старость не властна над ним. Любил он лихих коней, и не было ему равного противника на мечях. Одно печалило царя — не было у него детей. Трех жен он пережил — но оставался бездетным.

И вот, когда среди седых волос его уже нельзя было отыскать ни одного черного, последняя из царских жен родила ему дочь.

Несказанно обрадовался царь: хороша как ясная луна была крошка царевна. Осыпал царь подарками единственное дитя. Заморских зверьков и птиц дарил он девочке для развлечения, редкими тканями украшал ее покои, редкими самоцветами — ее красоту.

Так росла царевна, ни в чем не зная отказа. Отец ее, перед которым все трепетали в страхе, подчинялся ее прихотям. Любила девочка и забавы и наряды, но больше всего на свете любила она любоваться тем, как пляшут в очаге языки огня. Казалось, видит она в пламени какие-то картины, от которых невозможно оторвать взгляда. Когда была девочка маленькой, служанкам приходилось все время приглядывать за ней — она пыталась хватать пламя пальчиками, обжигалась и горько плакала — скорее не от боли, а от досады. Любила царевна красные платья и золотые украшения, а из самоцветов — рубины.

И вот пришло время, и царь стал задумываться о том, что не век дочери радовать его седины. День ото дня хорошела царевна — как наливается золотое яблочко на ветке. День ото дня мрачнел царь, чуя приближение дня, когда дочь переступит порог чужого дома. Одно только утешало его — решение выбрать самого достойного в мужья дочери. Сватались к ней и цари и князья, но гордый старик не льстился знатным родством. Был он мудр и понимал, что самый достойный — не всегда самый знатный. Поэтому велел царь гонцам скакать во все концы и звать женихов на состязание за руку его дочери.

И примчались на горячих конях в горный замок прекрасные юноши. Были среди них и цари, и князья, и азаты.

И вышли к ним царь и юная царевна — словно грозовое облако с ясной луной. «Взгляни, дочь моя, — молвил царь, и кивнул слугам. Ему подали золотой поднос, на котором лежало наливное румяное яблоко. — Эти храбрые

всадники прибыли сюда в твою честь. Они будут биться за тебя — и победителю вручишь ты яблоко из своих рук. Это и будет твой нареченный.»

С этими словами царь взял с подноса яблоко и протянул дочери.

«Отец мой, — смело отвечала царевна. — Я готова вручить яблоко моему нареченному, но истина ли то, что верх в бою всегда держит лучший? Разве не знаем мы о том, как злые народы покоряли добрых, а негодяи убивали праведников?»

«Ты мудрая девушка, дочь моя, — отвечал царь. — Воистину, как власть не всегда достается справедливому, так победа не всегда дается доблестному. Но ответь тогда сама — каким мерилom мерить достоинства твоего нареченного? За что ты можешь полюбить храбреца?»

«Скажи, царевна, за что ты полюбишь одного из нас?» — спросили всадники.

«Я навек люблю того, кто принесет мне Негасимый Огонь!» — ответила девушка.

«Что же это такое? Где искать его?» — спросили всадники.

«Негасимый Огонь нельзя залить водой, — ответила царевна. — Ему не нужно еды — он может гореть и на голom камне. Мне неведомо, кто владеет им. Быть может, сторожат его злобные вишапы. Быть может, многоголовые дэвы встанут на пути храбреца, пожелавшего добыть Негасимого Огня. Быть может, Царь Змей с золотыми рогами хранит его глубоко под землей. Отправляйтесь на поиски, славные воины. Я буду ждать того из вас, кто войдет ко мне с негасимым огнем в руках!»

«Да будет так,» — молвил царь.

«Да будет так,» — ответили всадники.

И вскочив на резвых коней, они помчались на все стороны света, подобные стрелам, пущенным из лука.

А царевна осталась ждать суженого в горном замке своего отца.

Год минул с той поры, как прекрасные юноши пустились по белу свету в поисках Негасимого Огня. Поднялись царь и царевна на самую высокую башню замка, откуда видны были все горные дороги.

«Отец мой, — молвила царица. — Не видишь ли ты вдали скачущего всадника с Негасимым Огнем?»

«Не одна сотня лет легла мне на плечи, — отвечал царь. — Глаза мои уже не так зорки, как прежде. Быть может ты сможешь разглядеть его вдалеке, дочь моя?»

Долго вглядывалась вдаль царица, стоя на башне. Наконец она промолвила с грустью:

«Где же они, те прекрасные юноши, что пустились за Негасимым Огнем? Неужели никто не сыщет его для меня, отец?»

«Дочь моя, на пути их встанут многоголовые дэвы и вишапы. Но верю я в силу любви. Жди своего избранника, и он явится к тебе.»

Два года минуло с тех пор, как всадники пустились в путь. Вновь поднялась царица на высокую башню. Во все четыре стороны всматривалась она с высоты — но ниоткуда не мчался на резвом коне всадник с Негасимым Огнем. Опечаленная царица спустилась с башни и спросила отца:

«Отец мой, отчего никто не скачет ко мне с Негасимым Огнем? Неужели не властна уже любовь над опасностями?»

«Не печалься, дочь моя, — отвечал царь. — Далекий путь до Негасимого огня. Быть может, спускается он в подземелья Царя Змей с золотыми рогами. Жди своего жениха, нет преград для влюбленных.»

Три года минуло, как пустились всадники в путь. Как птица в клетке металась на высокой башне царица, вглядываясь вдаль.

«Где же вы, красивые и смелые, что отправились ради меня за Негасимым Огнем? — горько воскликнула она. — Красота моя вянет, как сорванная роза!» Обессиленная от печали, спустилась царица к отцу.

«Скажи мне отец, — спросила она. — Есть ли дорога назад для того, кто увидел Негасимый Огонь?!»

Ничего не ответил царь, только посмотрел на дочь в великой печали.

Горько заплакала царица.

«О, прекрасные юноши, — проливая слезы, сказала она. — Если правда то, что все вы погибли, лучше мне обратиться в камень!»

И в том же миг окаменело ее прекрасное тело. Каменными стали ее волосы и руки, губы и глаза. Но из каменных глаз продолжали точиться живые слезы.

И увидев, что случилось с любимым его дитятей, старый царь сам окаменел от горя. Каменной стала его борода, окаменели его могучие плечи и сильные руки, в скорби, протянутые к дочери.

А из глаз каменной царевны продолжали литься слезы. И лились они до тех пор, пока вода не начала заливать старый замок. И вот над отцом и дочерью сомкнулась хрустальная вода. А затем поглотила вода сам замок вместе с башнями.

И там, где некогда стоял замок, разлилось чистое горное озеро. И по сию пору можно разглядеть на его дне кровли, стены и башни.

А души храбрых всадников, что погибли в поисках Негасимого Огня, превратились в ночных мотыльков. И стоит лишь зажечь в темноте свечу, как обезумевшие мотыльки слетятся на огонь. И будут они кружиться над огнем и бросаться в него, сгорая.

Так и звучали в крепости сказанья о былом, и люди в ней не знали того, что дух смерти грох уже начертал на челе каждого из них знаки судьбы.

Веселье царило за пиршественными столами, звучал смех и поднимались рога, наполненные красным сладким вином. Часовым, которые не могли покинуть своего поста, бдеш велел отнести вина и угощенья на стены и к воротам.

Звучали песни и смех, а душа бдеша была полна мучительной тревоги. Не знал бдеш, откуда шла эта тревога. Не страшился он скорой гибели в бою. Знал он, что сможет продержать крепость столько, сколько нужно для того, чтобы в стране собрались войска.

И на мгновение пригрезилось бдешу, что на груди его лежит свернувшаяся черная змея. Тряхнул он головой, и виденье пропало.

«Ужели становлюсь я так стар, что вино бросается мне в голову вместо того, чтобы веселить сердце? — подумал он. — Что же, верно в самую пору приходит ко мне смерть. К чему воину пережить лучшие свои годы?»

Но тревога грызла его сердце, как собака — кость.

А жена бдеша потчевала пирующих, но лицо ее было бледно.

Далеко за полночь разошлись люди по домам. Прав был князь в том, что пир во время войны наполняет мужеством сердца. Сладкий сон, лишенный тревожных сновидений, окутывал воинов. Но был он глубок, очень глубок.

Заснули и женщины, нахлопотавшись перед пиром. Уснули сытые счастливые дети и снилось им, что нет больше вражеского лагеря под стенами, а приветливо колышутся на ветру несмятые травы, маня их побегать на свободе.

Не спала только жена бдеша. Полная луна, бросая луч в оконце на потолке, освещала ее, в беспокойстве бродившую по комнатам. Не раз и не два подходила она к ложу, склонялась над спящим мужем пытаясь понять, глубок ли его сон. Но не понимала: бдеша мучили во сне кошмары, он метался и стонал, словно изо всех сил пытаясь проснуться. И княгиня решилась узнать наверное.

Она вытянула из своих волос тонкую золотую булавку. Бдешх пошевелился во сне. Княгиня больно кольнула его булавкой в раскрытую ладонь.

— Змея... Змея жалит меня! — хрипло прошептал бдешх, но не проснулся.

Недобрая улыбка заиграла на губах княгини. Накинув на голову темное длинное покрывало, она неслышно выскользнула из дому.

Неомраченная тучами луна плыла над крепостью, ночь была светлой. Холодный ветер играл в складках одежд княгини, и бегущая впереди нее тень казалась черной хищной птицей. Княгиня тихо кралась между мимо объятых сном домов: нигде не теплился огонек светильника, нигде не звучало шагов.

Но в одном из домов не спала девочка Манушак. Старуха-гадалка велела ей посидеть до утра рядом с раненым воином, и поить его питьем от лихорадки всякий раз, как он проснется. Девочка загасила светильник, чтобы не тревожить раненого и тихо сидела у изголовья на маленькой скамеечке.

Манушак было страшно: ей думалось о каджи, которые любят прикидываться знакомыми и заводят людей куда-нибудь в уединенное место, чтобы погубить. На всякий случай она решила не выходить из дому даже со старухой, если та придет проверить раненого. Вдруг это будет не старуха, а каджи в ее облике? Вспоминались ей и гишера майрер — матери ночи, страшные ведьмы со змеями в руках. Ах, скорее бы настало утро!

Раненый жалобно стонал в бреду. Лоб его пылал как камни очага. Быть может надо сбегать и сказать старухе, что ему хуже? Ох, как страшно даже подумать о том, чтобы высунуть нос на улицу! Но вдруг раненый умрет? Надо, чтобы старая Мариам нашептала заговор, прогоняющий лихорадку! Ведь дом вдовы совсем близко — только перебежать улицу!

Девочка долго набиралась храбрости, стоя у калитки. Наконец, закрыв от страха глаза рукой, она пустилась бежать по мостовой.

Не веря, что наконец достигла безопасного порога, девочка вошла в старухин дом. Но вот беда — комната старухи пустовала! Испугавшись, Манушак кинулась к месту, где обычно спал Тигран.

— Проснись, проснись скорее! — плача, проговорила она, тряся мальчика за плечо.

— Что такое, зачем ты будишь меня, глупая девчонка? — недовольно проговорил мальчик, открывая глаза.

— Где тетушка гадалка? Почему ее нет? — плакала Манушак.

— Вот бестолковая! Разве ты забыла, что она ночует сегодня в доме у северной стены, там, где заболел младенец.

— Ой, правда, Тигран! Она ведь поэтому и послала меня к раненому! Но как же мне быть? Мне нужно, чтоб тетушка на него посмотрела — у него лоб горит огнем, и он не хочет пить горькое питье!

— Поди да сбегай за ней, — пробормотал мальчик, норовя улечься снова.

— Нет, Тигран! Северная стена так далеко! Не могу я бежать туда! Я боюсь каджи!

— Проводить тебя, что ли? — мальчик недовольно поднялся. — Ох, какая ты глупая! Так хорошо спится, когда не колет с голоду в животе! Надо ж тебе было меня разбудить.

Но девочка уже успокоилась, видя, что друг не оставит ее одну. Дети вышли из домика.

Старуха казалась усталою. Ребенок в доме у северной стены совсем разболелся. Она сказала, что придет к раненому под утро, и наказала Манушак не пугаться лихорадки. С тем она и послала детей обратно.

Когда Тигран и Манушак уже приближались к своей улице, им послышался звук шагов. Это не были тяжелые уверенные шаги стражей, что никого не удивили бы ночью в спящей крепости. Это был легкий мелкий постук женских туфелек. Женщины не любят выходить из дому в такую пору! Детям отчего-то сделалось жутко. Шаги слышались все ближе, и дети в страхе прижались к стене каменной ниши.

Длинная женская тень упала на белую мостовую: ее развевающиеся одежды казались черными крыльями.

— Это мать ночи! Я боюсь! У нее змеи в руках! — беззвучно зашептала Малушак, сжимая руку мальчика.

Тигран тоже готов был поверить, что перед ними одна из страшных гишера майрер. Но тут одинокое облачко соскользнуло с лика полной луны. Яркий свет озарил красивое лицо княгини.

— Это же госпожа княгиня! — шепнула Малушак, бросаясь было навстречу женщине. Но Тигран, сам не зная почему, остановил девочку. Женщина прошла мимо них, незамеченная. Лицо ее казалось бескровным, как у мертвеца. Ярko горели черные глаза под смоляными дугами бровей. Странно: оттого, что вместо ведьмы им предстала княгиня, дети не почувствовали облегчения. Сердцам было по-прежнему холодно от страха.

— Что она делает здесь?

— Не знаю. Иди к раненому ждать тетушку. А я пойду спать. Не бойся, я постою на улице, пока ты не войдешь в дом.

Девочка убежала. А Тигран, вместо того, чтобы идти спать, тихонько последовал за княгиней. Ему отчего-то хотелось знать, куда идет женщина, но спросить он не решился.

«В конце улицы лестница на стену, — подумал мальчик. — Там стоит стражник. Он, конечно, спросит ее, а я услышу. И тогда... тогда я буду спокоен.»

Легкие шаги постукивали впереди. Вот и стена. Ниша, где виднеется темная фигура стражника. Почему он молчит? Почему он даже не поднялся навстречу женщине?

А княгиня подошла к нише и внимательно наклонилась над стражником. Потом выпрямилась и направилась вдоль стены — в сторону ворот.

Страх окатил мальчика ледяной волной. Выждав, пока шаги не отдалились, он подбежал к нише.

Стражник сидел, привалившись спиной к стене. Щит в выпавшее из его руки копьё валялись рядом. Стражник спал непробудным тяжелым сном. Мальчик схватил воина за плечо и начал трясти. Голова его моталась взад и вперед, но он не просыпался.

Мальчик вмиг забыл о княгине. Воин спит на посту! Такого он не видел в своей жизни. Может быть на него напала хворь? А только ли он один спит?!

Тигран перебежал к следующему посту у стены. Еще издали он увидел стражника, лежавшего, положив голову на щит.

Не разбирая дороги, мальчик полетел к дому бдеша.

— Дядя! Дядя, проснись! — вскричал он, вбегая в спальню князя. — Беда! Часовые отчего-то спят!

Бдешх не ответил. Мальчик подбежал к его ложу, торопясь разбудить. Бдешх спал — тем же странным непробудным сном, что и воины у стены!!

— Дядя!! — Тигран готов был заплакать. Могучая рука, которую он теребил, бессильно упала на постель.

— Это ты, озорной мальчишка? — сердитым шепотом спросила у дверей старуха служанка. — Ты чего тревожишь дядю?

— Его надо разбудить! Воины... все воины спят! И на часах — тоже!

— Вот глупый, еще б им не спать после пира!.. Ну, вздремнет часовой маленько, экая важность! Небось ворота у нас крепкие.

«А если персы знают об этом сне?! — с ужасом подумал мальчик. — Если они пойдут на приступ?»

Но тратить время на споры с глупой старухой он не стал.

Что делать? Побегать к Давиду? Внезапно Тигран понял, что застанет друга объатым тем же тяжелым необъяснимым сном.

Странный грохот и шум донеслись внезапно со стороны ворот. Знакомый шум! Что это? Внезапно мальчик узнал: так шумела ведущая к воротам дорога прежде, в базарный день — множество шагов, стук, бряцанье, людская речь...

Персы! Княгиня открыла ворота персам! Вот зачем шла она в ночи! Вот зачем проверяла, спят ли часовые! Измена!

— Персы в крепости! — пронзительно закричал мальчик, выбегая на площадь.

— Измена!! В крепость вошли персы!!

В домах захлопали двери. Послышались встревоженные женские голоса, плач, крики...

— Горе мне!! — жалобно зазвенел женский голос слева. — Проснись, муж мой!! Горе детям моим!

— Проснись, сын мой! — жалобно отозвался голос справа. — Проснись, защити свою старую мать!

— Отец, нам страшно, отец!!

— Любимый, открой глаза!

Крики звучали теперь отовсюду. Казалось, что сама ночь, исполнившись отчаянья, кричит множеством голосов.

Черная птица измены кружила над крепостью, словно стервятник, учуявший добычу.

А снизу, на ближних к воротам улицах, слышались уже другие крики: вопли отчаянья и ужаса людей, увидевших занесенное вражеское оружие.

Торжествующими громкими выкриками на чужом языке оглашали ночь персы.

Улочку за улочкой заливало вражеское море, встречая лишь слабое сопротивление женских рук. То там то здесь вздымалась рука с кривым мечом или острым кинжалом над грудью спящих воинов. А они даже не замечали, что сон их переходит в смерть.

Широко раскрыв глаза смотрел Тигран, как выбегают на площадь первые вражеские солдаты. Вот они, персы — с качающимся огнем факелов в руках, не крошечные человечки, какими казались сверху, а настоящие, чернобородые, опьяневшие от крови. Мальчик увидел, что один из воинов, с окровавленного меча которого капала густая, черная в свете луны кровь, тащил за руку рыдающую девочку. Манушак! Завтра детей и молодых женщин свяжут веревками и уведут по раскаленным пыльным дорогам далеко, далеко в чужие края, где ждет их рабская доля!

«Я буду драться своим кинжалом: хотя он и невелик, меня убьют! Да, тех, кто защищается с оружием всегда убивают. Тогда меня не ведут в рабство!» — успел подумать мальчик.

Фигура одного воина, вышедшего из переулка, показалась мальчику знакомой. Странно пошатываясь, он брел очень медленно, обеими руками неся меч, как если бы тот был для него слишком тяжел. Это был не перс! Единственный не спящий воин из защитников крепости! Почти тут же мальчик узнал Давида.

Двигаясь в полусне, Давид приближался на заплетающихся ногах к персу, схватившему Манушак. Перс, так долго дравшийся в эту ночь с неподвижными беззащитными телами, понял кто идет к нему, лишь когда Давид тяжело размахнулся для удара. Меч ударил перса в плечо, потекла кровь. Изумленно вскрикнув, перс, выпустивший руку девочки, ударил в ответ. Давид пошатнулся. Манушак, крича от страха, побежала туда, где стоял застывший на месте Тигран. Несколько персов с криками окружили Давида в кольцо. Когда они расступились, мальчик увидел, что Давид лежит на земле лицом кверху, а вокруг его тела растекается по камням площади кровь.

— Тише! — Тигран увлек девочку к ближайшей двери. Дверь оказалась открытой.

Персы стояли над телом Давида, что-то обсуждая меж собой.

Неожиданно Тигран заметил, что дверца, около которой они оказались, вела в пристройку, прятавшую подземный ход.

Дети были уже внутри. Крутые ступени лестницы уходили вниз. Мальчик оставил дверь открытой — в надежде, что кто-нибудь еще сможет воспользоваться ходом прежде, чем его обнаружат персы.

Каким жутким казался этот путь в полной темноте, сколько раз детям чудились тяжелые шаги погони за спиной! А дети все шли и шли: страх их был сильнее усталости.

Тигран вспомнил о том, каким страшным в первый раз показался ему подземный ход — освещенный пляшущими огнями факелов. Теперь вокруг не было ни единого проблеска света. Для того, чтобы идти, приходилось вытягивать перед собой руку. Как часто натыкалась дрожащая рука на скользкие влажные камни! Тогда сзади и спереди шли знакомые воины — и гулкий ход гудел от шагов. Теперь было тихо, слишком тихо.

Через час или два Тиграну стало казаться, что тьма вокруг уже не так густа. Так и есть — глаза отыскивали смыкающийся над головами свод. Неожиданно в затхлой темноте повеяло запахом свежих трав. Так же, как в тот раз! Выход близок! Ход сузился. Еще несколько шагов — и дети оказались перед бьющим из-под камня родником, в струях которого играли первые отсветы розового покрывала девы-зари.

Напившись у родника, они заторопились прочь. Страх гнал их дальше — по убегающим вверх горным тропинкам, по травам, еще влажным от капелек лунных слез — подальше от всего, соединенного с крепостью, где сейчас ликовал враг.

Только совсем выбившись из сил, дети опустились на землю. Манушак заплакала.

— Перс убил раненого, за которым я смотрела, — сквозь слезы сказала она. —
Вошел в дверь и убил мечом! А потом схватил меня!

— Сегодня все воины были слабее раненых и все убиты, — сказал мальчик,
разрывая в знак скорби рубашку на груди. — О, бедный мой дядя! Он убивал
быка кулаком — и вот его зарезали как теленка! Да провалится заживо в ад
черная изменница! Успеют ли теперь собрать войска в стране?! Бедный Давид!
— Бедная добрая тетушка Мариам, — плакала Манушак, распуская свои
волосы. — Бедные мои подружки!

— Лейте слезы, бедные дети, не в моих силах их утереть, — сказал кто-то
добрым голосом.

Дети увидели старого отшельника. Как изменилась их жизнь с прошлой
встречи с ним! Горько плача, дети побежали навстречу старику.

— Вы измучены телом и душой, — ласково сказал отшельник. — Идемте со
мною — вы отдохнете в безопасности в моей келье. А завтра я отведу вас в
монастырь Хор Вираб, где вы получите пристанище, ибо у вас не осталось
никого, кроме Бога. Даже нечестивые персы не смеют трогать Божьих
обитателей!

Отшельник привел детей в свою пещеру, где они уже однажды побывали. Он
расстелил в углу несколько овчин и велел детям спать, а сам куда-то вышел из
пещеры.

Манушак сразу уснула. А Тигран не мог спать. Страшные картины минувшей
ночи гнали его сон. Что-то творится сейчас в крепости?

Отшельник, тихо ступая, вошел в пещеру с охапкой елгона в руках. Положив
свою ношу на пол, он опустился на колени у входа, перебирая зачем-то мелкие
камни, словно что-то отыскивая. Мальчик невольно наблюдал за ним.
Отшельник вернулся в глубину пещеры, держа два небольших камня в руках.
Сгребя легкие сухие ветви, он согнулся над ними и ударил одним камнем о
другой. Посыпались искры.

— Святой человек!! — от изумления Тигран вскочил с теплой овечьей шкуры.
— Неужели ты разводишь огонь?!

Отшельник вновь ударил камнем о камень.

— Бог простит меня, если я нарушу мой обет для того, чтобы согреть двух спасенных Им сирот и сварить для них горячей похлебки, — с доброй улыбкой произнес отшельник.

Веселые рыжие язычки побежали по ветвям. Кустарник ярко вспыхнул. Живое, радующее душу тепло разлилось по пещере.

Костер разгорался все ярче и ярче.

Персидский царь Шапур пировал в доме бдешха. Веселые крики пирующих заглушали плывший над крепостью скорбный плач: женщины стонали над убитыми. Еще не успели эти несчастные осознать, какая страшная судьба ждала их самих и их детей. Далекие дороги, ведущие из земли Наири в чужие пределы, ждали их. Судьба их обещала еще одну разлуку: матерей — с детьми, сестер и братьев — друг с другом. Совсем маленьким детям предстояло никогда не узнать родного языка, забыть свои имена. Рабство, ужасное рабство! Девушки завидовали подругам, успевшим наложить на себя руки.

Царские слуги сновали по кладовым бдешха, простые воины рыскали по залитым кровью домам. На главной площади росла гора всякого добра. Ковры клали к коврам, серебряную посуду — к серебру, оружие — к оружию. С ленивым выражением лица бродил от груды к груде писец с табличкой в руках. Работа предстояла большая — все перечесать, взвесить, записать. Женщин и детей пересчитают позднее — когда поведут из крепости. Но велика или мала добыча — она только первая капля того меда, который добудут персы в земле Наири.

А в земле Наири никто не думает, что крепость пала так быстро. Царь Шапур топил довольную усмешку в кубке с вином.

— Где та женщина, что отворила ворота? — спросил он. — Я желаю видеть ее.

— Она готова предстать пред твои очи, о Великий, — ответил доверенный хитрец и хлопнул в ладоши.

Двое персов ввели в пиршественный зал княгиню Джангюлом.

Княгиня шла медленно, словно сама спала наяву. Краски не вернулись на ее красивое лицо с приходом дня. Она по-прежнему была бледна.

— Ты действительно красива, женщина, — вымолвил царь Шапур. — Поведай мне, как тебе удалось сделать то, что сделано?

— О, царь, — тихо отвечала княгиня, — я хитростью выведала состав сонного зелья, какое готовила для больных одна женщина здесь — она теперь мертва. Я сделала его и тайно подмешала в крепкое вино, которое пили воины на пиру. Когда я увидела, что сон их непробуден, я отворила ворота.

— Вот как, — вымолвил Шапур. — Отвечай мне дальше, женщина. Был ли твой муж старше меня годами?

— Нет, о, царь, — так же тихо отвечала княгиня. — Был он моложе тебя.

— Хорошо, — сказал Шапур. — Скажи, быть может я превосхожу его красотой?

И такая коварная улыбка раздвинула его морщинистое крючконосое лицо, таким недобрый весельем сверкнули маленькие оплывшие глазки царя, что княгиня не осмелилась солгать.

— Нет, о, царь, — ответила она. — Мой муж был красивее тебя.

— О, женщина! — воскликнул Шапур. — Как много ума потребовалось тебе для того, чтобы сплести свой замысел, и как глупа ты при этом оказалась! Множество красавиц есть на свете. Вправе слушать они речи о своей красоте и верить им. Но не трижды ли глупость была для тебя верить тому, кто искал гибели твоему мужу?! Как не задумалась ты об этом? Как не поняла, что не нужна мне окажется та, что была плохой женой другому? Теперь слушай свой приговор.

Княгиня затрепетала всем телом.

А царь Шапур поднялся над пиршественным столом и сказал:

— Получишь ты мало за эту измену. К шакалам — шакала! К гиенам — гиену! И он подал знак слугам.

Страшно закричала княгиня, поняв, какая участь ее ожидает. Недалеко от крепости находилась с незапамятных времен страшная глубокая яма, где жили

гиены и шакалы. Высокие отвесные ее стены не давали пожирателям падали выбраться из нее. В эту яму издревле жители окрестных селений бросали осужденных убийц. Туда же, если околевал скот, сбрасывали и пададь в пищу мерзким тварям. А если и падали долго не было, гнусные животные на дне ямы начинали пожирать друг друга. И могло длиться это до тех пор, пока из всех зверей на дне ямы не оставался только один — огромный и мерзкий.

В пищу шакалам и швырнули вероломную княгиню стражи, глухие к ее мольбам и стонам.

А спустя несколько дней войско царя Шапура покинуло разоренную крепость, выступая вглубь страны — сея на своем пути опустошение и горе.

Спят горы седые. Молчит старина.

Дорогами прежними бродит война.